

УДК 930.1; 1(091)

А. ЛАВДЖОЙ: ПРОБЛЕМАТИКА ИСТОРИИ ИДЕЙ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Продемонстрировано, что интеллектуальная история А. Лавджоя ассоциируется им с историей идей. Отмечается, что в рамках интеллектуальной истории возможно проанализировать формирование и транслирование идей-единиц, оказывающих влияние на развитие мысли в пространстве и времени.

Ключевые слова: интеллектуальная история, идея, история идей.

Артура О. Лавджоя (1873–1962) называют отцом-основателем интеллектуальной истории, отождествляемой им с историей идей. Он концептуализировал методологический подход, позволяющий определить, каким образом идеи развивались с течением времени. Цель Лавджоя состояла в постижении динамики истории, прослеживании закономерностей исторического развития, обнаружении и исследовании идей-единиц, которые являются движущими силами истории.

Интеллектуальная история сосредотачивается на изучении интеллектуалов, интеллектуальной мысли, идей и паттернов, их распространения во времени и пространстве. Подобное широкое определение подразумевает под собой разнообразие подходов к определению проблемного поля. К примеру, П. Гордон проводит дифференциацию «интеллектуальной истории» и «истории идей», указывая, что часто данные термины являются взаимозаменяемыми. В то же время интеллектуальная история является эклектичной как в методе, так и в предмете, следовательно, формирование единого универсального ее определения представляется невозможным. Она сосредотачивается на исследовании того, как различные идеи отражают культурный или исторический контекст, в котором они находятся [8].

История идей непосредственным образом концентрируется на исследовании крупномасштабных концепций по мере их появления, распространения и преобразования в ходе истории. Историк идей стремится организовать исторический нарратив вокруг одной основной идеи, а затем проследить ее развитие, метаморфозы и проявления в различных контекстах и временах. Классическим примером подобного является методология Лавджоя, позволяющая выявить сходные черты мышления, «вечные» проблемы и концепты, несмотря на контекстуальные различия [8].

Лавджой сосредоточился на изучении западного наследия, обращаясь к каноническим мыслителям и писателям, набору литературных, научных, богословских и философских трудов. Концентрируясь на исследовании классических текстов, он не уделял внимания биографическим аспектам, дневниковым записям, письмам исследуемых авторов, что стало объектом критики со стороны многих ученых, например К. Скиннера. Он утверждал, что Лавджой не имеет дело с фактическим

использованием идеи в ее лингвистическом контексте и поэтому может упустить из виду ее историческое значение, игнорирует действия и намерения, создавая в воображении историю не идей, а абстракций. Более того, Скиннер расширяет свою аргументацию, отмечая, что даже если исследователь чувствителен к различиям в использовании слов в контекстах, одно и то же слово может использоваться по-разному в одном и том же контексте. Поскольку Лавджой не обращает на это внимания, то, по мнению Скиннера, его интеллектуальная история должна быть подвергнута ряду критических замечаний [17, р. 29–31]. Однако, как представляется, Лавджой осознавал необходимость учитывать различия между контекстами, признавая, что интеллектуальному историку зачастую приходится действовать и мыслить в таких концепциях, которые чужды привычным способам мышления его современников. По его словам, историческое понимание даже нескольких великих писателей эпохи невозможно без знакомства с общим фоном их интеллектуальной жизни и общепринятых морально-эстетических оценок того времени. Как утверждал Д. Викберг, переосмысливший воззрения Лавджоя в терминах структурализма, его идеи представляют собой «не только картину, но и рамку», Лавджой решил проблему соотношения текста и контекста, представив идеи в качестве контекста, в котором были созданы тексты [9].

Историографические взгляды Лавджоя формировались как альтернатива господствующим в его время в США историческим концепциям; его не устраивали ни гегелевская парадигма, объясняющая историю развитием духа, ни ее вариации, ни социоисторизм Д. Дьюи. Методологический холизм Лавджоя, опирающийся на дарвиновскую теорию эволюции, стал одной из основ понимания динамики исторического процесса [3, с. 153–155]. Он также разделял концепцию сформировавшегося в 1920 г. критического реализма, согласно которому познавательное отношение субъекта и объекта опосредовано ментальными образами, а всякое знание внешнего мира является репрезентативным, поскольку физические вещи и их образы имеют разную пространственную и темпоральную локализацию [4].

По мнению К. Даффин, интеллектуальная история Лавджоя является «эмерджентной и эволюционной», позволяющей осуществлять перестройку идей-единиц внутри идейных комплексов [7]. Д. Дж. Кун, в свою очередь, характеризует идеи-единицы Лавджоя как «неисторические» и «неоплатонические универсалии», рассматривая их как противоречающие взгляду, согласно которому концептуальные системы являются сходными эволюционирующим видам [6, р. 497].

Одним из закономерных вопросов, возникающих при прочтении Лавджоя, является статус «идей-единиц»: неизменны и постоянны ли они, подвержены ли внутренним изменениям, как они возникают и могут ли они исчезнуть. Л. Минк указывал, что одной из проблем является соотношение «идей-единиц» и представления Лавджоя об исторических изменениях. Минк дифференцирует две предполагаемые концептуальные системы: концептуальную систему, в рамках которой концепт «идей-единицы» понятен – это концептуальная система, связанная с нашим опытом

и пониманием физических вещей. Однако данная система не согласуется с концептуальной системой, в рамках которой понятно его объяснение «действующих сил», – это концептуальная система, связанная с опытом и пониманием человеческих мыслей и чувств. По сути, Минк «раздваивает» мысль Лавджоя: концепция, связанная с действующими силами объясняет, почему существует история идей; но его учение о составляющих элементах характеризует идеи таким образом, что они (подобно физическим константам или числу) вообще не могут иметь историю, т. е. претерпевать развитие и изменение [14]. По мнению Скиннера, отправной точкой рассуждений Лавджоя является изложение идеального типа доктрины – будь то равенство, прогресс, разум, общественный договор, великая цепь бытия, разделение властей и т. д. Опасность такого подхода состоит в том, что доктрина, которую так легко исследовать, превращается в целостность. Поэтому становится достаточно просто утверждать, что развитая форма доктрины всегда была, в некотором смысле, имманентной в истории, даже если различные мыслители не смогли ее обнаружить, изложить и интерпретировать [17, р. 29–31].

Подход к интеллектуальной истории Лавджоя, его категоризация «идеи» и концепция истории идей в «Великой цепи бытия» (1936) и «Эссе об истории идей» (1948), заключающийся в изолировании и изучении перемещающихся во времени универсальных идей-единиц, выступающих как модули в конструкциях различных теорий и учений [1], являются дискуссионными. Некоторые исследователи указывают, что интеллектуальная история Лавджоя опирается на определенные интеллектуальные или когнитивные компоненты, которые противостоят изучению исторических изменений и культурных особенностей. К примеру, Ф. Оукли указывает, что при всем своем прежнем признании «Великая цепь бытия» сейчас вызывает скорее стремление ее отвергнуть, нежели желание прочесть [15, р. 14]. По мнению Д.М. МакМэхона и С. Мойна, «отца-основателя дисциплины чаще отвергают, чем читают сегодня» [13, р. 7]. Однако МакМэхон выступает за возрождение истории идей Лавджоя, утверждая, что поколение ученых, которые отрицали его воззрения, создавали в значительной степени искусственное разделение, представляя Лавджоя тем, кем он не являлся. Это привело к тому, что такой известный представитель интеллектуальной истории, как Дж. Покок, указывал, что история идей является термином, не соответствующим его работам [12, р. 16].

Другие исследователи, наоборот, указывают на значимость подобной концептуализации проблемного поля интеллектуальной истории. К примеру, Р. Рорти предлагал отказаться от традиционного «описания существовавших мнений» в пользу многообразной интеллектуальной истории. Объектом изучения в этой связи будут состояние знания и общая интеллектуальная атмосфера исследуемой эпохи [16]. Дж. Трэш, характеризуя подход Лавджоя как «экуменический и всеобъемлющий», подчеркивал, что находит в нем вдохновение для более тесной интеграции своей области исследований (истории науки) с интеллектуальной историей. Лавджой, по мнению Трэша, был ориентирован на исследования

крупномасштабного ансамбля идей, космологических и мировоззренческих по своему характеру, и их модификаций с течением времени [18, p. 154–155].

Начиная с 1919 г. Лавджой говорил о создании новой исследовательской программы – «истории идей», в 1923 г. он основал «Клуб истории идей» в университете Дж. Хопкинса, в 1940 г. опубликовал первый выпуск «Журнала истории идей».

Обратимся к его исследовательской программе. Под историей идей Лавджой подразумевает что-то одновременно и более специфическое, и менее узкое, чем история философии. Интеллектуальная история, по его словам, представляет собой аналитическое и критическое исследование природы, становления, развития, распространения, взаимодействия и воздействия идей, которые были порождены, рассмотрены и транслированы поколениями людей.

История идей, по Лавджою, сосредотачивается на исследовании мыслей и идей, широко распространённых в обществе, представляющих общий интерес для человека, для того, чтобы определить, как они возникли, объединялись, взаимодействовали или противодействовали друг другу, как они были связаны с воображением, эмоциями и поведением – «хотя это и не вся отрасль знания, которую мы называем историей... но она является ее центральной и наиболее важной частью» [11, p. 8]. Несмотря на то, что постоянные или изменяющиеся условия человеческой жизни, стечения обстоятельств являются важными факторами исторического процесса, в центре интеллектуальной истории Лавджоя стоит человек: «То, что знание, в котором человек нуждается более всего, – это знание самого себя... и интеллектуальная история, несомненно, представляет собой наиболее значительную часть подобного знания», а проблема человеческой природы является самой серьезной и фундаментальной [11, p. 8–9]. Изучение истории мысли подразумевает под собой исследование интеллектуальных процессов, в которых обнаруживаются проявление симпатий к тому или иному типу концепции или образа, метафизический пафос, а также предвзятость, обусловленные личными или групповыми интересами, идеями, раскрывающими свою собственную естественную логику развития.

История идей во многом ориентируется на предметы и результаты исследований других отделов истории мысли, однако способы интерпретации представляются иными, поскольку история идей устанавливает новые связи, рассматривая предметы под особым углом зрения. Подобную процедуру можно соотнести с аналитической химией: «Обращаясь, например, к истории философских доктрин, она проникает в застывшие и незыблемые системы и, в своих собственных целях, делит их на исходные элементы, на то, что может быть названо элементарными идеями, идеями-единицами (unit-ideas). Общее здание доктрины любого философа или школы почти всегда является чем-то комплексным, неким гетерогенным агрегатом – хотя и сам философ зачастую об этом не подозревает. Это здание сложено не только из различных элементов, но и сами

элементы эти нестабильны, хотя испокон веков никто из философов не помнит об этой меланхолической истине» [2, с. 9–10]. Лавджой указывает на ограниченное число оригинальных идей, более того, кажущаяся новизна достигается за счет расширения сфер применения и аранжировки составляющих их элементов.

В «Журнале по истории идей» он характеризует идею следующим образом: это не только мощная, но и упрямая вещь; она обладает своим собственным «особым движением»; история мысли, с одной стороны, представляет собой историю движения и взаимодействия человеческой природы и, с другой стороны, историю специфической природы и воздействия идей, которые существовали в умах людей [10, р. 23]. Идеи представляют собой синтез общности и разнообразия. Во-первых, они обнаруживаются в самых разных областях истории человеческого мышления и чувств. Во-вторых, преобладание определенных идей не создает единообразия мнений, поскольку интеллектуальные и эмоциональные реакции людей были весьма разнообразны. В целом Лавджой стремится обнаружить скрытую структуру, которая связывает и организует западную мысль. Идея в интеллектуальной истории является определенной и эксплицитной, состоящей в единственном специфическом предположении или «принципе», провозглашенном большинством значительных европейских философов на ранних этапах становления европейской философии.

Цель журнала, в свою очередь, заключалась в том, чтобы способствовать установлению эффективных связей между различными, но взаимосвязанными областями истории. Лавджой разделяет прагматический взгляд на историю с Д. Дьюи. Он считает, что история необходима, поскольку она является основой всего мышления: «...для всех систем знаний, за исключением упомянутого ложного смысла, – вся наука и весь практический разум – опираются на историю» [5]. Другими словами, исторические сведения выступают как коллективный образ для стабилизации общих знаний и обеспечения основы для мышления.

Основная проблематика журнала была сформулирована Лавджоем следующим образом: 1. Исследование влияния классики на современное мышление, воздействия европейских традиций и произведений на американскую литературу, искусство, философию и общественные движения. 2. Изучение влияния философских идей в литературе, искусстве, религии и общественной мысли, включая воздействие распространенных общепринятых концепций на стандарты вкуса и морали, а также образовательные теории и методы. 3. Исследование влияния научных открытий и теорий в смежных областях мысли и философии; культурных последствий научных открытий. 4. Изучение истории развития и влияния отдельных идей или доктрин, таких, как эволюция, прогресс, примитивизм, различные теории человеческой мотивации и оценки человеческой природы, механические и органические концепции природы и общества, метафизический и исторический детерминизм и индетерминизм, индивидуализм и коллективизм, национализм и расизм [11, р. 7].

По Лавджою, каждая область исторического исследования подразумевает под собой элементы истории идей. Однако в результате специализации, характерной для развития исторической науки XIX–XX вв., различные области истории стали изолированными. Подобная специализация была, с одной стороны, необходима для прогресса исторического знания и совершенствования специальных научных методов исследования, но, с другой стороны, стала препятствием для него, поскольку предметная дифференциация в большинстве случаев не соответствует реальному разграничению изучаемых явлений. Исторические процессы не протекают в замкнутых системах, соответствующих официально установленным подразделениям университетских факультетов; даже если они логически подразделяются на разные типы, они находятся в постоянном взаимодействии. А идеи – это самые динамичные явления в мире: категории, постулаты, диалектические мотивы, «священное слово», настроения, мысли или доктрины, появляющиеся в одной из условно выделенных областей истории, переходят в дюжину других [11].

Интеллектуальная история непосредственным образом связана со следующими областями человеческого знания: историей философии, науки, фольклора, некоторыми аспектами этнографии, элементами истории языка, особенно семантикой, историей религиозных верований и богословских учений, историей литературы отдельных народов или на определенных языках, сравнительным литературоведением, сосредоточенным на изучении международных интеллектуальных отношений, тенденций мысли и вкуса, литературной моды, историей искусств, экономической историей и историей экономической теории, историей образования, политической и социальной историей, социологией знания [10].

Существенные разногласия, возникающие между данными областями, по Лавджою, являются искусственными и случайными, не соответствующими линиям расхождений в исследуемых исторических явлениях. На нынешнем этапе развития, по крайней мере, некоторые из этих демаркационных линий обозначенных дисциплин исчезают. Они разрушаются, потому что проблемы, изначально поставленные в традиционных рамках той или иной дисциплины, оказываются неспособными получить адекватную и точную разработку, не выходя за строго обозначенные пределы [10, р. 2–3].

Другими словами, дифференцируется историография, но никоим образом не исторический процесс, и это несоответствие между процедурой и предметом в лучшем случае приводит к серьезным пробелам в изучении истории, а в худшем – к явным ошибкам и искажениям. Следовательно, в настоящее время необходимо стремиться к корреляции между дисциплинами, относимыми Лавджою к области интеллектуальной истории, а также к формированию междисциплинарных связей [10, р. 6–7]. Другими словами, в настоящее время ученый должен, с одной стороны, учитывать материал, лежащий в области его исследований в соответствии с конвенциональными границами, а с другой – находящийся в других разделах. Но ни один человек, очевидно, не может быть компетентным во многих областях даже истории [10, р. 7].

Компетентное исследование в большинстве исторических областей подразумевает под собой также знание истории развития и распространения философских идей, методов философского исследования. В истории философии возможно обнаружить общий начальный сюжет, фундаментальные идеи, господствующие убеждения, которые проявляются в других областях интеллектуальной истории. Как указывает Лавджой, большинство современных историков литературы и науки признают, что философские концепции оказали значительное воздействие на сочинения авторов, поэтому они вынуждены исследовать данные системы, чтобы изложить их [11].

В «Великой цепи бытия» Лавджой утверждал, что в Средние века и вплоть до конца XVIII в. философы, ученые и большинство образованных людей придерживались концепции Великой цепи бытия, составленной из бесконечного числа звеньев, располагающихся в иерархическом порядке от самых низших видов существования к наивысшему возможному роду существ – Абсолюту. Подобная концепция природы Вселенной оказала повсеместное влияние на западную мысль, особенно в рамках неоплатонизма и течений европейской философии XVII–XVIII вв.

Стремясь определить идеи-единицы, составляющие данную концепцию, Лавджой сосредоточился на предположении, что Вселенная является собой полную форму, концентрируясь на исследовании одного из принципов, составляющих Великую цепь бытия, – принципа изобилия, восходящего к философии Платона и фигурирующего на протяжении всего становления философской мысли, от Платона и Абельяра до Лейбница и Спинозы. Данный принцип подразумевает законченность и полноту той последовательности форм, реализация которой была главным предметом заботы Бога при творении мира. Второй принцип – непрерывности – является логическим следствием принципа изобилия и подразумевает под собой мышление в терминах непрерывности, взаимоперехода, взаимообъединения. Третий принцип – иерархии, вдохновленный Аристотелем, понимается как существование иерархического порядка в непрерывности существующего и позволяет расположить вещи в едином порядке совершенства [2, с. 61].

Основная задача «Эссе по истории идей» заключается в том, чтобы соединить воедино и обобщить результаты предыдущих исследований. Сочинения Лавджоя являются собой достаточно широкую проблематику, включая темы, находящиеся на стыке истории философии, искусства, литературы, садоводства, архитектуры: подражание природе как эстетический принцип, возвращение к природе как принцип моральной философии, смысл природы как эстетической нормы, параллели деизма и классицизма. Другие эссе сосредотачиваются на исследовании романтизма и различных течений, обозначаемых данным термином, примитивизма и эволюционизма.

Значительное внимание в рамках «Эссе по истории идей» получает «Потерянный рай» Дж. Мильтона. Для правильной трактовки эпической поэмы, по мнению Лавджоя, необходимо комплексное междисциплинарное исследование, которое не может быть осуществлено одним человеком без посторонней помощи: для этого требуется сотрудничество

не только специалистов по английскому языку, но и специалистов по патристике, средневековой философии, еврейской литературе, протестантскому богословию XVI в., французской и итальянской литературе, истории науки [10, p. 11].

«Потерянный рай» полон идей, которые должны рассматриваться в их исторических перспективах, поскольку невозможно оценить характерные качества ума и искусства поэта, выражающего общую идею, не зная идеи самой по себе, а также иных способов ее выражения. Например, Адам и Архангел Рафаил обсуждают астрономические теории XVII в. Чтобы идентифицировать упомянутые гипотезы, достаточно слабо выраженные Мильтоном, необходимо познакомиться с астрономическими представлениями со времен Коперника до Мильтона. Поэтому изучающий «Потерянный рай» вынужден, по природе исторического исследования, обратиться к истории науки [10, p. 4]. Более того, изучая соответствующие астрономические тексты, стремясь понять существующие теории, исследователь может внести новый вклад в историю астрономии, представляющий интерес для тех, кто не знает Мильтона и безразличен к астрономическим мнениям Архангела Рафаила.

Более того, «Потерянный рай» содержит широчайший спектр других концепций, не относящихся к области знаний историка английской литературы. К примеру, Адам Мильтона цитирует Аристотеля своему Создателю, отмечая, что, хотя «божество самодостаточно», ему (Адаму) нужен человеческий спутник даже в таком приятном месте, как Эдем [10, p. 5]. Подобное отождествление самодостаточности с высшим благом, являющимся благом для Бога, но не для человека, – одна из широко распространенных идей в западной мысли. Применение утверждения Аристотеля Мильтоном, с одной стороны, освещает его концепцию Бога, а с другой – приближает к отрицанию утверждения, которое в большинстве ортодоксальных христианских теологий считается аксиоматическим: главное благо человека – подражание или экстатическое созерцание Бога. Подобные реминисценции не были общеизвестны и не упомянуты в более раннем комментарии к Мильтону. Комментаторы, без сомнения, были слишком мало знакомы с Аристотелем и с историей философии в целом, а специалисты по философии Аристотеля не интересовались Мильтоном, чтобы установить подобную связь. Следовательно, стремление к пониманию даже отдельных отрывков часто толкает исследователя в те области, которые, на первый взгляд, кажутся достаточно далекими от первоначальной темы исследования: «...чем более человек стремится к сути узко сформулированной исторической проблемы, тем выше вероятность столкновения в самой проблеме с иным давлением, которое вытеснит за изначально обозначенные пределы» [10, p. 6].

Другим моментом, привлечшим особое внимание Лавджоя, являются строки, в которых Адам выражает серьезное сомнение в том, не был ли первородный грех, в конце концов, поводом для радости. Если бы его не было, Воплощение и Искупление никогда бы не произошли. Эти возвышенные тайны не имели бы ни повода, ни смысла; и, следовательно, полнота божественной добродетели и силы не могла быть реализована и не стала бы известна людям. Таким образом, грех Адама, а также грехи

его потомков стали условиями, несущими как великое проявление славы Божьей, так и неизмеримо большую пользу для человека, чем это можно было предположить. Лавджой, характеризуя подобный отрывок, указывает, что идеи Мильтона не являются новыми для его времени, и приводит несколько более ранних формулировок данной идеи, придающей истории «характер не трагедии, а божественной комедии... Драма должна была иметь... счастливый конец, но счастливый конец подразумевался в начале и стал возможным благодаря этому. Таким образом, парадокс счастливого падения нашёл многократное выражение в истории христианской религиозной мысли» [10, р. 278–279]. Сходные идеи звучат у св. Амвросия, утверждавшего, что грех Адама «принес больше пользы, чем вреда», св. Августина, придавшего более обобщенную форму понятию *felix culpa*, Дж. Уитклифа, отмечавшего, что всё, включая грех, является лучшим в лучшем из возможных миров, поскольку все происходит в соответствии с волей Бога, Г. дю Бартаса (французского религиозного поэта XVI в.), который замечает, что без грехопадения не могло быть и Воплощения, Дж. Андреини, который после укоризненного напоминания Еве о ее вине приступает к пророчеству об окончательном торжестве благодати и блаженства. Другие предшественники Мильтона основывались на идее, что Падение не только было преодолено божественным благодеянием, но и являлось незаменимым средством для достижения гораздо большего блага для человека, представляя грех Адама как безусловно необходимый [10, р. 284–285]. Тем самым идеи, нашедшие отражения у Мильтона, были распространены в религиозной и философской мысли в предшествующие периоды.

Подобный подход может использоваться относительно истории научных концепций. Как указывает Лавджой, пока еще не существует исторически и философски значимого описания развития идеи эволюции до того, как Дарвин использовал данный термин в его более узком смысле – как теории преобразования видов. Следовательно, основным направлением развития истории идей является широкомасштабное запланированное и четко сформулированное сотрудничество. Однако, как представляется Лавджою, полноценное сотрудничество, необходимое для этих и многих других моментов историографии идей, во многом остается недостижимым.

В целом подход Лавджоя заключался в исследовании универсальных идей-единиц, функционирующих на протяжении всего становления знания и использовавшихся как составные элементы в более сложных конструкциях теорий и различных учений. Тем самым идейные комплексы и системы, сами по себе, становились материалом, на основе которого вычленялись идеи-единицы. Главная задача историка идей состояла в поиске изначальных проявлений некоторой концепции или предположения в той или иной философской или религиозной системе, в научной теории, литературе и искусстве, описании ее манифестаций на всех

стадиях исторического развития. Подобный полномасштабный проект требует применения междисциплинарного подхода, использования широкого спектра философской, религиозной, классической литературы, истории, философии истории, а также истории и достижений естественных наук. В то же время история идей также связана с действиями «разума человека», и поэтому ее основная задача – способствовать более эффективному взаимному обогащению областей интеллектуальной историографии и деятельности.

Список литературы

1. Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI века. 2008. № 4. С. 288–302.
2. Лавджой А. Великая цепь бытия: история идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
3. Хлуднева С.В. Об очерке Артура Лавджоя «Историография идей» [Электронный ресурс]. URL: <https://iphras.ru/page49921167.htm> (дата обращения: 02.03.2020).
4. Юлина Н.С. Лавджой, Артур Онкен // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2127894> (дата обращения: 03.04.2020).
5. Bartee S.J. Dewey J. Historiography, and the Practice of History [Electronic resource]. URL: <https://dc.etsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3211&context=etd> (accessed: 02.01.2020).
6. Coon D.J. Of Gold and Pyrite // Biology and Philosophy. 1990. № 5. P. 493–501.
7. Duffin K.E. Arthur O. Lovejoy and the Emergence of Novelty // J. of the History of Ideas. 1980. № 41. P. 267–281.
8. Gordon P.E. What is intellectual history? A frankly partisan introduction to a frequently misunderstood field [Electronic resource]. URL: <https://ces.fas.harvard.edu/uploads/files/Reports-Articles/What-is-Intellectual-History-Essay-by-Peter-Gordon.pdf> (accessed: 02.03.2020).
9. Gram M.S., Martin R.S. The Perils of Plenitude: Hintikka contra Lovejoy // J. of the History of Ideas. 1980. 41. P. 497–511.
10. Lovejoy A.O. Essays in the History of Ideas. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1948. 376 p.
11. Lovejoy A.O. Reflections on the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <https://krieger2.jhu.edu/philosophy/Lovejoy/147.%20Reflections%20on%20the%20History%20of%20Ideas.pdf> (accessed: 02.03.2020).
12. McMahon D.M. The return of the history of ideas? // Rethinking modern European intellectual history / ed. by D.V. McMahon, S. Moyn. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 13–31.
13. McMahon D.M., Moyn S., Introduction. Interim intellectual history // Rethinking modern European intellectual history / ed. by

- D.V. McMahon, S. Moyn. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 3–12.
14. Mink L. Change and Causality in the History of Ideas // Historical Understanding / ed. B. Fay, E.O. Golob and R.T. Vann. Ithaca, New-York: Cornell University Press, 1987. P. 7–25.
 15. Oakley F. Natural Law, Laws of Nature, Natural Rights: Continuity and Discontinuity in the History of Ideas. New-York: Continuum, 2005. 144 p.
 16. Rorty R. The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History. Essays on the Historiography of Philosophy. Cambridge, 1984. P. 49–75.
 17. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. № 8. P. 3–53.
 18. Tresch J. Cosmologies materialized. History of science and history of ideas // Rethinking modern European intellectual history / ed. by D.V. McMahon, S. Moyn. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 153–172.

A. LOVEJOY: PROBLEMS OF THE HISTORY OF IDEAS

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

Examining Lovejoy's views, the article reveals that his understanding of intellectual history is focused on the history of ideas. This kind of approach emphasizes the possibility to analyze within the framework of intellectual history the formation and translation of unit-ideas influencing the development of thought in time and space.

Keywords: *intellectual history, idea, history of ideas.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Senior Lecturer of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru